

« ГРУППА АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Сергей ЗВЕРЕВ

АНТИБОМБА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на обложке *И.Варавина*

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Антибомба / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2016. — 320 с. — (Спецназ. Группа Антитеррор).

ISBN 978-5-699-87314-2

Руководству ФСБ становится известно, что на территорию России тайно завезены компоненты «грязной» атомной бомбы. Но куда именно? Свидетель, знавший подробности предстоящего теракта, погиб при задержании. Оперативники разрабатывают план «Фукусима», целью которого является захват террориста Марида Бешеного. По данным разведки, именно у него находится микрочип управления взрывателем бомбы. Осуществить захват поручено майору спецназа Сергею Гончаренко. В ходе операции он не только выясняет, где находится бомба, но и узнает, кто скрывается под именем Марида Бешеного.

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Рясной И., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-87314-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ГЛАВА 1

Миром правят случайности. И главная причина такого положения вещей в том, что никаких случайностей на самом деле нет. Ведь случайность — это не что иное, как непознанная закономерность.

Значит, кому-то, кто наверху раскидывает карты бытия, понадобилось, чтобы Азат Акчурин увидел эту компанию.

На улице Александра Невского в Кручегорске в невзрачную красную «Ладу Калину» садились трое субъектов совершенно непрезентабельного вида. Подобные представители бывших окраин советской Империи обычно с приходом весны принимаются за плату малую кротами шуршать на чужих садовых участках, что-то копая, подправляя покосившиеся домики, приводя в порядок теплицы, работая по принципу «хозяин, что еще прикажешь». Не у каждого полиция поднялась бы рука потребовать мзду за нарушение правил регистрации с подобных убогих неудачников.

У Акчурина было отличное настроение. Сегодня он готовился отметить день рождения младшенькой дочери — ей стукнуло пять лет. Сегодня был выходной. Се-

годня была хорошая мартовская погода — солнце ода-рило горожан своими щедрыми лучами. Жена, дети, дом и достаток — что нужно еще человеку, чтобы быть счастливым? Наверное, ничего. Да вот только чтобы вмиг утратить это ощущение безмятежности, ему тоже много не потребовалось — всего лишь кинуть мимо-летний взгляд на спулое, равнодушное лицо заезжего гастарбайтера.

Больше полутора десятков лет прошло с того мо-мента, как эта физиономия намертво врезалась в па-мять Акчурина. Время не слишком усердно поработа-ло над этим лицом — мелкие обезьяньи черты оста-лись, а морщин прибавилось совсем немного, да еще волосы поредели, не было уже той жесткой черной копны. Главное, никуда не делся этот взгляд раскосых глаз — мутный, равнодушный и безжалостный. Взгляд убийцы.

Как же давно это было. В другую историческую эпоху. Тогда дотлевала рыжим пламенем лесов позд-няя осень. Группу специального назначения десанти-ровали с вертолетов в горах и навели на базу вахха-битов, обосновавшуюся на границе с Грузией. Грохот винтов, ночная влажная прохлада, пробирающаяся под полевую форму, мелкий дождь и чужие горы, где спецназовцы были неожиданными гостями. Был марш-бросок на пределе сил — никогда еще время не рабо-тало так против них. Был выход на цель.

Базу хотели зачистить бесшумно, но не удалось. Ваххабиты были начеку. И началась кровавая баня. Спецназ понес потери, но сломил сопротивление,

пройдясь огненной метлой по хорошо замаскированному лагерю. Однако часть боевиков сумела уйти. Было организовано преследование.

Шаг за шагом, подошвы ботинок скользят по влажным камням, за одежду цепляются жесткие ветви, будто специально сбивающие ритм и темп. Лейтенант Акчурин превратился в робота, совершающего запрограммированные движения. Иногда ему казалось, что он с начала времен бредет незнамо куда и зачем. Чувства и азарт выгорели. Силы были съедены маршброском и недавним боем. Остались только простые движения, подпитываемые последними, неприкосновенными запасами энергии и воли. И в глубине сознания ярким маркером горела цель — настичь и уничтожить. Весь мир, все его тайны, все душевные устремления и мечты, вся жизнь офицера-спецназовца не имели теперь никакого значения. Была только дорога. И казавшаяся недостижимой цель — уходящие от преследования боевики.

На берегу горной речки, вода которой сыпалась жемчужной россыпью с высей, Акчурин столкнулся нос к носу с этим мутноглазым чертом.

Они застыли, глядя друг на друга, всего на пару секунд. И Акчурин знал, что выстрелит быстрее.

— Отпусти, десантник. Деньги дам, — прошипел боевик.

Это звучало настолько абсурдно в пропитанном болью и кровью ущелье, что Акчурин издал какой-то приправленный сумасшедшинкой смешок, и палец его вдавил спусковой крючок.

И небо обрушилось на него, погребя под своими осколками в кромешной тьме.

Уже позже, в госпитале, он узнал, что прозевал еще одного боевика, доставшего его выстрелом из подствольного гранатомета.

И еще ему сказали, что он так и не успел добить того самого мутноглазого, оказавшегося известным боевиком. Этот мерзавец отличился при захвате средней школы в Дагестане. И Акчурин не раз клял себя за ту свою ненужную усмешку — времени, потраченного на нее, как раз не хватило, чтобы отправить это шайтаново отродье прямиком в ад.

С тех пор Акчурину не раз снилось это лицо, гримаса которого была оскалом самой смерти, тогда милостиво обошедшей молоденького лейтенанта стороной. И вдруг этот проклятый образ материализовался наяву. Гроза детей, заслуженный абрек, отпетый вахабит жив-здоров и спокойно бродит по российским городам. Значит, снова будут греметь взрывы и выстрелы, унося жизни невинных людей.

Акчурин встряхнул головой. Может, показалось? Мало ли на свете похожих людей?

Может, и немало. Но Акчурин был уверен — это он, Мустафа Юсупов, находящийся уже полтора десятка лет в международном розыске, не раз в оперативных сводках числившийся убитым и все время чудом воскресавший.

Юсупов мазанул рассеянным взглядом по прохожим, на миг остановившись на Акчурине. Узнал? Вряд ли. Хотя все может быть.

Хлопнули дверцы, и, тяжело переваливаясь на натруженных колесах, натужно подвывая мотором, старенькая «Лада Калина» влилась в поток дорожного движения.

Несколько секунд Акчурин простоял как вкопанный. Потом хлопнул себя по карману, вытащил мобильник, набрал ноль-двадцать и произнес чеканно:

— Подполковник Российской армии Азат Акчурин. Только что на улице Александра Невского видел человека, похожего на Мустафу Юсупова, находящегося в федеральном розыске за терроризм. Он отъехал на автомашине «Лада Калина» красного цвета в сторону площади Ленина. В салоне три человека. Номер автомашины...

Продиктовав номер, уточнив детали, поняв, что его сообщению не слишком обрадовались, но проверить будут, Акчурин дал отбой и присел на лавочку на автобусной остановке. В груди его застыл холодный нервный ком...

Красную «Ладу Калину» сотрудники ГИБДД засекли в железном потоке на окраине города, перед въездом на мост через реку Урзань. Ориентировка была не особо внятная: «Лица, которые могут являться террористами, но вместе с тем кто их знает, поэтому особо не усердствуйте, но и спуску не давайте. Высылаем подмогу на всякий случай».

На взмах «волшебной палочки» — гаишного жезла — «Лада Калина» безропотно остановилась. Сержант полиции остался в стороне на обочине, как

бы невзначай положив ладонь на автомат. Его начальник подошел к «Ладе Калине» со стороны водителя и козырнул:

— Лейтенант Сидоров. Предъявите водительское удостоверение и документы на машину.

— Ой, товарищ лейтенант, стоило раз в жизни правила не нарушить, и тут же остановили, — широко улыбнулся водитель — деревенского вида русский конопатый парень лет двадцати пяти. — Если что — я шучу.

Он протянул документы.

Лейтенант обвел критическим взглядом пассажиров — двоих смуглых гастарбайтеров с мозолистыми, черными от земли и солярки руками. Что-то на террористов они не тянули. Типичные «плитка кладу, проводку тяну, газоны кошу, насвай жую». Но машину все равно придется досматривать, правда, как советовали, не усердствуя.

Сзади резко остановился полицейский «уазик» патрульно-постовой службы. Из него выпрыгнули двое бойцов, один с укороченным автоматом Калашникова, другой с пистолетом Макарова наперевес. Вот и обещанная подмога.

— Выйти из машины! — во весь голос заорал автоматчик. — Руки на капот, чтобы мы видели!

Экипажу «уазика» дежурный по городу сообщил, что в красной «Ладе Калине» разъезжают террористы и нужно взять их на посту ГИБДД, где машину сейчас досматривают. Поэтому действовать патрульные решили кавалеристским наскоком.

Водитель «Лады Калины» до упора вдавил педаль газа, а смуглый, морщинистый, похожий на обезьяну-капуцина гастарбайтер дал длинную очередь из как по волшебству возникшего в его руке пистолета-пулемета «Скорпион».

Лейтенант рухнул как подкошенный, словив пулю калибром девять миллиметров в грудь. Патрульный сержант с пистолетом успел целым и невредимым распластаться на асфальте. А старшина с автоматом, мочку уха которого срезало пулей, поднял свое оружие и уложил весь магазин во взлетевшую на мост «Ладу Калину».

Машину занесло. Она вильнула. Ударилась об опору моста. Перевернулась, едва не снеся с дороги чудом успевший вывернуться встречный «Форд»-фургон.

Стрелял старшина добротнo. Двое пассажиров были мертвы. Третий, тот самый «капуцин» со «Скорпионом», позже идентифицированный как Мустафа Юсупов, еще дышал.

И если полицейские и сотрудники местного ФСБ искренне надеялись на то, что Юсупов сдохнет, то прилетевшему в тот же день в Кручегорск начальнику управления «НК» ФСБ России генералу Ломакину известный террорист был нужен живым. Кровопийца должен выжить и заговорить, иначе этот город или какой-то еще, по выбору, потряхнет сильнее любого землетрясения...

ГЛАВА 2

Перед реанимационными палатами стояли двое бойцов. Это были не обычные солдатики или сверхсрочники, а матерые, смертоносной мощной грацией похожие на альпийских овчарок вояки, вооруженные пистолетами-пулеметами «Вереск». На территории госпиталя погранвойск присутствовало незаметно для глаз еще более десятка серьезных ребят, готовых подавить любую попытку штурма, ликвидации или спасения объекта охраны. При необходимости через несколько минут тут будет любое подкрепление — хоть вертолеты, хоть бомбардировщики. Меры безопасности были предприняты беспрецедентные. Такого еще никто из местных чекистов не видел. Но никто из них и подумать не мог, что стоит на кону.

Крепко сколоченный мужчина лет пятидесяти пяти, чем-то похожий на седого, умудренного жизнью бобра, одетый в идеально подогнанный костюм, в сопровождении грузного краснолицего начальника областного УФСБ и статного, высокого главного врача проследовал к палате и остановился перед ее дверьми.

К ним подскочил измотанный затянувшимся дежурством, осунувшийся врач-реаниматолог и по военному четко доложил:

— Состояние пациента тяжелое. В сознание не приходил. Делаем все что можем.

— Хотя бы на миг приведи его в сознание, доктор, — потребовал седой — важная московская шиш-

ка, перед которым заискивали могущественные местные руководители.

— Он умрет, — сказал врач.

— Я куплю ему цветы на могилу, — усмехнулся седой.

— Но...

— Слушайте, доктор. Теперь это не ваш пациент. Теперь это наш пациент. Со всеми вытекающими.

— Делай, что говорят, — сухо произнес главный врач.

— Есть, — безрадостно произнес помрачневший врач.

Мустафа Юсупов лежал, опутанный проводами, на койке. Пиликала аппаратура, сигнализируя о его состоянии.

Минут через десять в результате манипуляций врачей и ударной дозы лекарств раненый приоткрыл глаза. И немигающе уставился на московского гостя.

— Где изделие? — спросил седой, оставшийся наедине с раненым.

— Что? — еле слышно прошептал Юсупов.

— Где бомба?

Губы Мустафы тронула слабая улыбка.

— Вы все подохнете, грязные шакалы, — вдруг неожиданно резко бросил он. — В струпьях и язвах.

— Где она?

— Узнаешь... Когда взорвется.

Юсупов резко дернулся, приподнимаясь на кровати. Опутывавшие его провода и трубки отлетели. И палату огласил захлебывающийся безумный смех.

Обессиленный террорист рухнул обратно на кровать. По его телу пробежала судорога.

В палату ворвались врачи. Стали колдовать вокруг больного. Но все было бесполезно — из этого тела ушла душа.

— Сорвался, гад, с крючка, — прошептал москвич — начальник Управления «НК» ФСБ России генерал-лейтенант Александр Ломакин.

По долгу службы он знал много такого, что большинству населения Земли знать не просто не положено, но и противопоказано для душевного здоровья. Например, что Мустафа Юсупов руководил террор-группой, в задачу которой входила доставка и активация на территории России «грязной бомбы».

Мустафа уничтожен, члены его группы тоже. Бомбу они не взорвут... Не взорвут в ближайшее время. Но она никуда не делась — ждет где-то в укромном месте часа своего адского торжества.

Те, кто посылал Мустафу сюда, не отступятся. Они пришлют новую группу. А потом еще. Людей у них много. Бомба одна. И взорваться она не должна...

Пользуясь своей личной привилегией, Ломакин настроил по возвращении в столицу пространную докладную записку на Президента России и передал ее напрямую, минуя все бюрократические преграды. В этой официальной бумаге он изложил предложения о путях решения проблемы.

Ряд из этих предложений относился к разряду безумных. Но еще более безумным было допустить изотопный удар по России.

ГЛАВА 3

В жару гораздо лучше кока-колы и минералки помогает зеленый чай. И он ждал своей участи в тяжелом антикварном фарфоровом чайнике, стоящем на небольшом низком столике. Этот божественный напиток был приготовлен из самых лучших ингредиентов самым лучшим специалистом, с любовью и знанием дела. Наверное, здесь все было самое лучшее. И мебель, и вещи, и восточные сладости, и вышколенная прислуга. И даже жара была вне конкуренции — от нее хотелось лечь и растечься тающим куском льда, чтобы больше никогда не шевелиться, а так и испариться, перейти в другое агрегатное состояние.

В старинном восточном дворике бил фонтанчик, рассыпающий вокруг себя алмазы искрящихся на солнце брызг. Антураж отлично подошел бы для съемок экранизации «Сказок Шахерезады». Классический Восток, наполненный мистическим очарованием. Продвинутый, передовой, полный тайн и достижений Восток времен Арабского Халифата. Того Востока уже нет больше тысячи лет. А Халифат вдруг объявился и во весь голос заявил о себе в космический двадцать первый век. И двое собеседников, утопавших в атласных мягких подушках, поднимая пиалы с ароматным чаем, знали об этом не понаслышке.

Со стороны могло бы показаться, что здесь течет вполне мирная беседа на английском языке, которым собеседники владели в совершенстве, хотя он никогда не был для них родным. Но вот только ощущалось в